

Документальный триллер

ВЛАДИМИР
БЕХТЕРЕВ
**НАЕДИНЕ
С УБИЙЦЕЙ**

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПНИКОВ

Москва
издательство
РОДИНА
2026

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
Б55

Бехтерев В. М.

Б55 Наедине с убийцей. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников / В. М. Бехтерев. – М.: Родина, 2026. – 320 с. – (Документальный триллер).

ISBN 978-5-00269-214-9

Владимир Михайлович Бехтерев – выдающийся русский психиатр, невропатолог, психолог, физиолог и морфолог, один из основателей русской экспериментальной психологии. Вклад В. М. Бехтерева в медицину огромен. Помимо самой известной своей работы – «Проводящие пути спинного и головного мозга» – ученый создал немало других выдающихся трудов, в том числе он стал одним из первых изучать вопросы преступности с точки зрения психиатрии. Его необычные и зачастую противоречивые суждения и по сей день не потеряли былой актуальности.

В настоящее издание вошли лучшие статьи психиатра, посвященные психике преступника.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00269-214-9 © ООО «Издательство Родина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Об экспериментальном психологическом исследовании преступников	7
Психологическое определение личности	11
Личность и условия ее развития и здоровья	14
Органическая и социальная сфера личности	20
Бессмертие человеческой личности как научная проблема	23
Внушение и его роль в общественной жизни	
Предисловие	65
Различные взгляды на природу внушения	66
Определение внушения	77
Внушение и убеждение	84
Внушение в гипнозе	88
Внушение в бодрственном состоянии	92
Значение веры	99
Невольное внушение и взаимовнушение	102
Коллективные или массовые иллюзии и галлюцинации	108
Стереотипные обманы чувств и значение самовнушения	116
Внушение как фактор в самоистребительных актах наших сектантов	118
Судорожные эпидемии в истории	119
Эпидемии колдовства и бесоодержимости	124
Эпидемии кликушества и порчи	134
Другие психопатические эпидемии религиозного характера	140
Параноик Малеванный как виновник своеобразной психопатической эпидемии	147

Эпидемия малеванщины	165
Татарская психопатическая эпидемия в Казанской губернии	173
Супоневская психопатическая эпидемия в Орловской губернии	179
Сектантские сборища и эпидемии	184
Китайская эпидемия секты И-хе-туан	186
Канадская психопатическая эпидемия среди русских духоборов	188
Эпидемическое распространение мистических учений	191
Паники среди людей и животных	194
Психические эпидемии во времена исторических народных движений	199
Спекулятивные эпидемии	202
Значение народных сборищ в распространении психических эпидемий	205
Значение внушения в общественных группах	210
Приложение	
Мысленное внушение или фокус?	222
Внушение и воспитание	225
Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных	253
Взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция как объединяющие факторы	276
Внушения и чудесные исцеления	301
Примечания	313

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ¹

Чем более мы углубляемся в изучение преступных лиц, тем более убеждаемся в сложности тех психических и моральных условий, которые лежат в основе преступности. Уже один факт, что мы до сих пор не можем условиться относительно различных категорий преступных лиц, указывает на особенную сложность психической основы преступления. Факт этот объясняется тем, что в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и даже, более того, вся его психофизическая организация, причем в одних случаях в основе преступления лежит особая порывистость чувственной сферы, ее необычайная раздражительность, ее импульсивность, это так называемые преступники по страсти, в других случаях преступность в своей основе имеет природный недостаток чувственной сферы, выражающийся недоразвитием нравственных чувствований, благодаря чему этой категории преступники совершают обыкновенно преступления с заранее обдуманном намерением, ради удовлетворения потребностей своей натуры без большого труда, это преступники, лишенные нравственного чувства, чаще всего врожденные преступники, приближающиеся к категории известной формы — *moral insanity*², в третьих случаях преступления совершаются вследствие недостатка в интеллектуальной сфере, вследствие невозможности оценки значения прав собственности и более или менее ясного различения между злом и добром. Это так называемые слабоумные преступники или душевнобольные преступники. В четвертых случаях мы имеем преступников с ослабленной волей, вследствие алкоголизма или других при-

чин, которые отличаются ленью, неспособностью к систематическому труду и для которых преступление является единственной возможностью существования. Но все эти деления преступников на те или другие категории, которых предлагалось и предлагается многое множество, страдают большой условностью. Как психическую сферу нормального человека мы только условно можем разделять на ум, чувство и волю, в действительности же наша психическая сфера представляет одно общее целое, неразрывно связанное в своих отдельных частях, так точно и вышеуказанные деления преступных типов пригодны нам лишь для общей и притом предварительной ориентировки среди массы преступников, в действительности же никто не станет отрицать, что преступность есть явление крайне сложное и далеко не вмещающееся в вышеуказанные категории, не говоря о массе индивидуальных особенностей преступных лиц в каждом отдельном случае. Мне кажется, что несмотря на толчок, данный криминально-антропологическим направлением изучению преступности в последний период времени, мы в сущности мало подвинулись в изучении преступных лиц и специально антропологическое исследование преступников, которое предполагало открыть особый атавистический преступный тип Ломброзо, не дало нам положительных результатов, самое же существование преступного типа в смысле Ломброзо подвергается, как известно, большому сомнению и мало кем признается. Этим, конечно, ничуть не умаляется значение того огромного фактического материала, который был собран в отношении физического сложения преступников Ломброзо и его учениками и который указывает ближе всего на отношение известной категории преступников к вырождению. С другой стороны, психологическое исследование преступников, которое велось уже издавна и которое получило особенный толчок со времени развития уголовно-антропологической школы, уже в значительной степени использовано многочисленными

авторами, работавшими в указанном направлении, и хотя в этом направлении, без сомнения, много еще может быть сделано, но главные результаты в этом отношении уже намечены. Тем не менее остается еще одна область психологического исследования, которая до сих пор не получила пока применения в должных размерах к исследованию преступных лиц и которая, на мой взгляд, обещает быть в этой сфере наиболее плодотворной, так как приобретаемые ею результаты отличаются большей точностью и возможной научной устойчивостью. Я говорю об экспериментально-психологическом исследовании преступников. Само собой разумеется, что здесь идет речь не об исследовании элементарных психических процессов как простой и сложной реакции, хотя и за исследованиями этого рода нельзя отрицать известного значения, главным же образом, по моему мнению, следует иметь в виду экспериментально-психологическое исследование чувственной реакции, памяти, ассоциации идей, этических представлений, соображения, внимания и проч., следовательно, тех явлений психической жизни, которые входят в область главным образом того отдела экспериментальной психологии, который носит название индивидуальной психологии. Сравнение полученных таким образом данных у преступников с теми, которые мы можем иметь относительно нормальных и честных лиц того же слоя общества, может дать нам более или менее верные указания относительно различия психического склада преступников по сравнению с честными лицами. Что касается специально нравственной сферы, то есть нравственных чувствований и представлений, то мне кажется, что и она при известной осторожности может быть также исследована путем ассоциаций, путем суждений, опросов и проч. Не следует, конечно, думать, что правильные нравственные воззрения должны совпадать с нравственностью лица вообще, так как мы видели, что преступность может корениться в нарушении не нравственных суждений и не интеллекту-

альной сферы вообще, а в нарушении чувственной сферы или сферы воли. Поэтому было бы ошибочно из данных, полученных при исследовании в области сферы нравственных суждений у преступников, выводить заключения об их нравственной сфере вообще, об исправимости преступника и проч., но они могут тем не менее войти в общую характеристику данного психологического типа, как необходимый ингредиент. Мне нет надобности прибавлять, что экспериментально-психологическое исследование преступников должно производиться совместно с подробным обследованием физического состояния преступников, так как при оценке психического склада того или другого лица должно принимать во внимание и физическую его природу. Ввиду важности, которую мы придаем экспериментально-психологическому исследованию преступников, я полагаю, что наше общество нормальной и патологической психологии могло бы оказать свою посильную помощь изысканиям подобного рода, выработав общий руководящий план исследования преступников вообще, преимущественно в психологическом отношении и в особенности в экспериментально-психологическом отношении, и тем самым облегчило бы работу отдельных исследователей в этом направлении.